

Баклан Ирина Николаевна

ПЕРЕДАЧА ИМПЛИЦИТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ И ЗАВЕРШАЮЩИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЛОВЫХ ПИСЕМ НА НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ)

В статье охарактеризовано понятие имплицитности и ее категориального аппарата, рассмотрены особенности функционирования имплицитной информации согласно цели коммуникации и с учетом фактора адресата. Также проанализированы основные стратегии и способы передачи имплицитности в переводе вступительных и завершающих предложений в ходе сопоставительного анализа текстов деловых писем на немецком и украинском языках.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 24-27. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

11. 'Opera Can Make Us See, Feel and Hear the World Differently': the UK's Opera Chiefs Tell Us Why Their Art Form Matters [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/music/2014/may/09/inside-opera-live-why-opera-matters-uk-opera-chiefs> (дата обращения: 02.05.2015).
12. Stop-Start Ireland Fail to Impress [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/news/ireland/article/1420240.ece> (дата обращения: 01.04.2015).

**THE SEMANTIC PECULIARITIES OF THE VERB MAKE IN THE CAUSATIVE CONSTRUCTION
WITH THE MEANING "TO FORCE SOMEONE TO DO SOMETHING"
AND THE RESOURCES OF THEIR TRANSFER TO THE RUSSIAN LANGUAGE**

Baklagova Yuliya Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kuban State University
liliann@mail.ru

The article is devoted to the study of the semantic potential of verb "make" in the causative construction with the meaning "to force someone to do something". The dominant parameters in the formation of the categorical paradigm of the verb are the taxonomic category and type of causation. The identification of taxonomic categories in active and passive voices allows revealing the important semantic oppositions. The choice of transfer resources of semantic peculiarities of the verb "make" to the Russian language varies depending on the taxonomic category.

Key words and phrases: syntactic causative; causative construction; taxonomic category; contact/distant causation; categorical shift.

УДК 81'25=112.2(045)

Филологические науки

В статье охарактеризовано понятие имплицитности и ее категориального аппарата, рассмотрены особенности функционирования имплицитной информации согласно цели коммуникации и с учетом фактора адресата. Также проанализированы основные стратегии и способы передачи имплицитности в переводе вступительных и завершающих предложений в ходе сопоставительного анализа текстов деловых писем на немецком и украинском языках.

Ключевые слова и фразы: имплицитность; импликация; импликация; экспликация; элиминация; переводческая трансформация; косвенные речевые акты.

Баклан Ирина Николаевна

Национальный авиационный университет, г. Киев, Украина
iralex87@bigmir.net

**ПЕРЕДАЧА ИМПЛИЦИТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ
И ЗАВЕРШАЮЩИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЛОВЫХ ПИСЕМ
НА НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ)[©]**

Вступительные и завершающие предложения в деловой корреспонденции выполняют функцию обращения внимания адресата, поэтому в них обычно содержится самая важная информация. В большинстве случаев она выражена эксплицитно (развернуто). Несмотря на эту тенденцию, часть информации может иметь скрытый смысл, который декодируется адресатом путем подразумевания. Имплицитность – универсальная характеристика текста, которая обозначает его способность содержать подразумеваемую информацию. Теория имплицитности исследована в трудах Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [7], И. Р. Гальперина [8], К. А. Долинина [10], И. В. Арнольд [1], С. Г. Краже [14], Л. Г. Брутян [6], А. В. Бондарко [5], В. А. Звегинцева [11], Н. Д. Арутюновой [2; 3], Е. В. Падучевой [15], А. В. Кашичкина [12], О. С. Сыщикова [16], Г. П. Грайса [9; 21], Дж. Лича [25] и др. В целом принято различать конвенциональную и кодирующую имплицитность [16]. Проводя параллель с теорией инференции, можно выделить аналогию между конвенциональной имплицитностью и формально-логическими инференциями, а также между кодирующей имплицитностью и вероятностно-индуктивными (прагматическими) инференциями. Следует отметить, что инференции являют собой широкий класс когнитивных операций, в ходе которых интерпретатор выводит знание, передаваемое в сообщении. Они обозначают процесс декодирования скрытой информации. В рамках нашего исследования мы имеем дело с имплицитным смыслом как результатом импликации. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем оперировать понятиями, заимствованными из теории имплицитности, которые можно изобразить в виде формулы *импликация + коммуникативная ситуация = имплицитный смысл*. Благодаря сопоставительному анализу имплицитных компонентов вступительных и завершающих предложений можно проследить, каким образом имплицитный смысл выражен в немецком и украинском языках.

Концепция перевода деловых писем состоит в воспроизведении денотативной, стилистической и прагматической информации. Следовательно, для осуществления адекватного перевода переводчику необходимо владеть языковой, профессиональной и переводческой компетенциями [23, S. 75-76]. В настоящем изложении будем рассматривать стратегии *сохранения*, *экспликации* и *элиминации* информации в переводе, которые реализуются посредством различных переводческих трансформаций. Сохранение имплицитности в тексте перевода возможно благодаря трансформациям перестановки и замены. Экспликация реализуется посредством трансформации добавления (addition) как способа восполнения в тексте перевода несуществующих в системе исходного языка или не выраженных в тексте оригинала лексико-семантических категорий и/или их элементов [12, с. 92]. Стратегия изъятия нерелевантной имплицитной информации связана с трансформацией опущения и зависит от коммуникативной нагрузки текста.

В деловой корреспонденции на немецком языке вступительные и завершающие предложения можно выделить в три группы: *блок этикетных формул*, *блок обращения внимания адресата* и *блок связи с адресатом*. Этикетные формулы исследованного материала содержат иллокуцию извинения, благодарности и пожелания. Они выполняют дополнительную прагматическую нагрузку и выражают отношение к адресату, что связано с принципом вежливости Дж. Лича и принципом кооперации Г. П. Грайса. В переводе этикетные формулы воспроизводятся с помощью клишированных выражений или посредством первичного речевого акта (эксплицитно). Они также могут содержать подразумеваемую информацию, выраженную в косвенных речевых актах. Первичный речевой акт «извинение» выражается посредством вторичных речевых актов сожаления, просьбы, благодарности, гарантии и надежды. Иллокуция сожаления производит на адресата больший коммуникативный эффект, чем обычное извинение. Например: *Wir bedauern Ihnen mitteilen zu müssen, dass* [19]... / *Шкода, але змушені повідомити Вас про* [17, с. 447] ... (досл.: *Жаль, но мы вынуждены сообщить Вам о...*). Иллокуция благодарности, которая косвенно выражает извинение, позволяет сгладить конфликтную ситуацию. Например: *Ich danke Ihnen für Ihre Geduld* [18, S. 307]! / *Дякую Вам за Ваше терпіння!* (досл.: *Благодарю Вас за Ваше терпение!*). Первичный речевой акт извинения передается посредством вторичного речевого акта просьбы (обычно в повелительном наклонении). В переводе на украинский язык происходит замена повелительного наклонения изъявительным наклонением. Например: *Bitte haben Sie Verständnis für diese Situation* [22, S. 105] / *Просимо із розумінням поставитись до цієї ситуації* (досл.: *Просим с пониманием отнестись к этой ситуации*). При этом в переводе используется опущение дейктических элементов (эллипсис).

Благодарность, имплицитно выраженная посредством глаголов *freuen* «радоваться» и *sich freuen über Akk.* «радоваться случившемуся», в переводе подвергается процессу экспликации. Например: *Ihr Interesse an... freut uns sehr* [20, S. 79] / *Висловлюємо щире подяку за Ваш інтерес до...* (досл.: *Выражаем искреннюю благодарность за Ваш интерес к...*). Экспликация в переводе завершающих предложений характерна для эллидированных номинативных структур. Например: *Viel Vergnügen bei der Lektüre* [13, с. 88] / *Бажаємо Вам приємного читання!* (досл.: *Желаем Вам приятного чтения!*). Таким образом, имплицитная информация при переводе этикетных формул вежливости в деловых письмах в большинстве случаев сохраняется и легко декодируется адресатом. Благодарность, выраженная посредством глагола *radowatsya*, а также элидированные пожелания эксплицируются в переводе.

Блок обращения внимания содержит эксплицитно выраженное предложение товаров или услуг, гарантии, проблемы и пути их решения, ссылки на компетентные источники, статистические данные, экспертную оценку и пр. В начале рекламных писем, как правило, указывается существующая проблема, которая требует безотлагательного решения. Например: *Alle zahlen immer mehr für Ihre Büroräume. Steigen Sie jetzt aus der Preisspirale aus* [22, S. 154]! / *Ви досі забагато сплачуєте за оренду офісних приміщень? Настав час покласти цьому край!* (досл.: *Вы все еще платите непомерно высокую цену за аренду офисных помещений? Пришло время покончить с этим!*). В украинском языке риторический вопрос как бы обязывает ответить на обращение. Вступительные и завершающие предложения блока обращения внимания переводятся с сохранением имплицитной информации посредством прагматических (оценочных) пресуппозиций. Типичным является использование словосочетаний *beste Qualität* / *найкраща якість* (досл.: *наилучшее качество*), *perfekte Betreuung* / *найкраще обслуговування* (досл.: *наилучшее обслуживание*), *neue Erfolgsformel* / *нова формула успіху* (досл.: *новая формула успеха*) и пр.

Чтобы привлечь внимание адресата, в немецком языке нередко используется прием диалогизации, который усиливает функцию влияния на адресата. При этом можно наблюдать явление нарушения порядка слов в вопросительном предложении, что придает вопросу оттенок утверждения. Например: *Sie wünschen sich Haushaltsgерäte mit einem ansprechenden Design und modernster Technik? Ihren Vorstellungen entsprechen wir gern* [20, S. 93]! Ввиду нефиксированного порядка слов в украинском языке следует использовать синтаксическую трансформацию объединения предложений в сложноподчиненное условное предложение: *Бажаєте найсучаснішу побутову техніку з привабливим дизайном – ми з радістю виконаємо Ваше бажання!* (досл.: *Желаете самую современную бытовую технику с привлекательным дизайном – мы с радостью выполним Ваше желание!*). Связь условного подчинения имплицитно выражается посредством стилистического приема асиндетона как разновидности эллипсиса, когда опущению подлежат союзы [24, S. 197]. Таким образом, в переводе вступительных предложений, которые выполняют функцию влияния на адресата, имплицитность имеет манипулятивный характер и поэтому сохраняется в переводе благодаря трансформациям замены и прагматическим пресуппозициям.

В **блок связи с адресатом** входят завершающие предложения, косвенно выражающие просьбу, предложение и надежду. Косвенная просьба (indirect request) возможна благодаря нечетким границам категории

просьбы (request) с категориями требования (demand), совета (suggestion), указания (instruction), предложения (offer), приглашения (invitation) и пр. [25, p. 136]. Первичный коммуникативный акт «просьба» воспроизводится посредством вторичных речевых актов выражения надежды, радости и благодарности. Исходя из принципа вежливости, эксплицитно выраженная просьба также может содержать дополнительную информацию посредством грамматических особенностей немецкого языка (использование модальных глаголов и сослагательного наклонения). Завершающие предложения в деловых письмах, содержащие предупреждение, могут имплицитно выражать разную степень категоричности посредством языковой нормы. Как известно, изъявительное наклонение (Indikativ) выражает большую степень категоричности, чем сослагательное наклонение (Konjunktiv II). Часто при переводе происходит замена сослагательного наклонения изъявительным, что связано с более консервативным характером украинского делового языка в сравнении с немецким. Например: *Wir wären Ihnen deshalb sehr dankbar, wenn Sie die notwendige Reparatur umgehend durchführen könnten* [20, S. 247] / *Будемо щиро вдячні, якщо Ви терміново допоможете нам з ремонтом* (досл.: Будем весьма признательны, если Вы срочно поможете нам с ремонтом). Синтаксическая организация украинского делового языка также не приемлет использование вопросительных предложений, что весьма распространено в немецких деловых письмах. В переводе наблюдается замена типа предложения. Например: *Vielleicht hören wir schon bald von Ihnen* [22, S. 81]? / *Сподіваємося на швидку відповідь* [4, с. 339] (досл.: Надеемся на скорый ответ). Первичная иллокуция «выражение надежды» в заключительных предложениях деловых писем на немецком языке воспроизводится посредством глагола *sich freuen* «радоваться». Как и в случае с косвенно выраженной благодарностью, в переводе используется экспликация смысла. Например: *Wir freuen uns auf eine fruchtbare und erfolgreiche Zusammenarbeit* [26, S. 94] / *Сподіваємось на подальшу плідну співпрацю* [17, с. 400] (досл.: Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество).

Таким образом, имплицитная информация во вступительных и завершающих предложениях связана с принципом кооперации и принципом вежливости, что выражено в этикетных формулах благодарности, извинения и пожелания. Она выполняет функцию влияния и обеспечивает обратную связь с адресатом. Импликация смысла происходит на лексико-синтаксическом уровне и связана с явлением эллипсиса и асиндетона. Передача имплицитной информации в переводе вступительных и завершающих предложений деловых писем на немецком языке реализуется с помощью стратегий сохранения и экспликации смысла. Сохранение имплицитной информации происходит благодаря комплексным трансформациям замены и перестановки. Экспликации подлежат элидированные формы пожелания, а также косвенные иллокуции благодарности и надежды, выраженные посредством глагола *sich freuen*.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1982. Вып. 4. С. 83-91.
2. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Серия: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 3-42.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. Ч. I-XV. 896 с.
4. Библик С. П., Сютя Г. М. Ділові документи та правові папери. Х.: Фоліо, 2005. 493 с.
5. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 175 с.
6. Брутян Л. Г. Анализ языковых выражений импликации: автореф. дисс. ... д. филол. н. Ереван, 1992. 47 с.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура / под ред. и с послесловием академика Ю. С. Степанова. М.: ИНДРИК, 2005. 1040 с.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
9. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / пер. с англ. В. В. Туrowsкого // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика / под ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217-237.
10. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1983. № 6. С. 37-47.
11. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 248 с.
12. Кашичкин А. В. Имплицитность в контексте перевода: дисс. ... к. филол. н. М., 2003. 153 с.
13. Коновченко О. В. Міжнародне листування. Х.: Нац. аерокосм. ун-т ім. М. Є. Жуковського «ХАІ», 2012. 98 с.
14. Краже С. Г. Маркеры текстовой импликации (на материале современного английского языка): дисс. ... к. филол. н. Ленинград, 1986. 192 с.
15. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
16. Сыщиков О. С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем): дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2000. 206 с.
17. Шевчук С. В., Клименко І. В. Українська мова за професійним спрямуванням. К.: Алерта, 2011. 696 с.
18. Vambach-Horst E. Briefe und E-Mails gut und richtig schreiben. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverl., 2010. 608 S.
19. BROCKHAUS Enzyklopädie Online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brockhaus-encyklopaedie.de/> (дата обращения: 25.02.2015).
20. Gladigau G., Breitkreutz R., Richter K. Gutes Deutsch, gute Briefe. Darmstadt: Winklers, 2009. 272 S.
21. Grice H. P. Studies in the Way of Words. Cambridge (Massachusetts) – London (England): Harvard University Press, 1991. 394 p.
22. Herweg M. Moderne Geschäftsbriefe leicht gemacht. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverl., 2008. 312 S.
23. Hoefl Chr. Kommunikationsfallen im Übersetzungsprozess. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2008. 147 S.
24. Janich N. Werbesprache: ein Arbeitsbuch. Tübingen: Narr, 2010. 323 S.
25. Leech G. N. The Pragmatics of Politeness. N. Y.: Oxford University Press, 2014. 343 p.
26. Wergen J., Wörner A. Bürokommunikation Deutsch. Stuttgart: PONS, 2010. 207 S.

**THE TRANSFER OF IMPLICITNESS IN THE TRANSLATION OF OPENING AND CONCLUDING SENTENCES
(BY THE MATERIAL OF BUSINESS LETTERS IN THE GERMAN AND UKRAINIAN LANGUAGES)****Baklan Irina Nikolaevna***National Aviation University, Kyiv, Ukraine
iralex87@bigmir.net*

In the article the notion of implicitness and its categorical apparatus is characterized, the peculiarities of the functioning of implicit information according to the purpose of communication and taking into account the factor of the addressee are considered. The author also analyzes the main strategies and ways of transfer of implicitness in the translation of opening and concluding sentences during the comparative analysis of the texts of business letters in the German and Ukrainian languages.

Key words and phrases: implicitness; implicature; implication; explication; elimination; translation transformation; indirect speech acts.

УДК 82.09(470.6)

Филологические науки

Статья освещает проблему корректной хронологической идентификации эпических сказаний. Автор констатирует отсутствие адекватного научно-методологического и конкретно-аналитического инструментария для системного установления времени происхождения эпических сказаний, предлагая при этом свое решение данной проблемы. Аргументация базируется на вполне достоверном и убедительном разборе архетипов эпических сказаний карачаево-балкарской версии общекавказского свода «Нарты».

Ключевые слова и фразы: стадийный подход; интерпретация; социум; литературная система; эпос; архетип; мотив; конфликт; императив; имплантация; концепт; архаичный мотив; хронологический сюжет; традиция.

Бауаев Казим Каллетович, к. филол. н., доцент*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
kazim_bauaev@mail.ru***ДАТИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА[©]**

Рассмотрение возможностей эволюционных изменений поэтических практик долгое время сосредотачивалось в координатах историко-стадийного подхода, заложенного еще в античные времена и основывавшегося на общесистематизационных, статичных по своей природе взглядах Аристотеля и идеях Платона и его последователей. Концептуально значимые интерпретации формы и содержания, явления и сущности в конечном итоге были ограничены идеей стационарного Универсума и, в наиболее цельном и непротиворечивом изложении, были выстроены в трудах Плотина, трактовавшего творческий акт как постижение «смысловой сущности» – некоего стабильного и априори бытующего явления [11, с. 225].

В той или иной модификации эти воззрения были продублированы у средневековых схоластов – Августин Блаженный говорил о восприятии «соответствий», также имеющих стационарную природу в силу божественной сопричастности [1, с. 150-152], а Фома Аквинский, понимавший творчество как постижение «форм вещей», существующих вне материального мира, осуществил фактический возврат к учению Платона об идеях [15, с. 169-175].

Вопрос об эволюции литературных форм и, естественно, о прогрессе поэтического сознания в его архетипической реализации на протяжении нескольких веков развития европейской гуманитарной мысли попросту не поднимался [12, с. 6].

Лишь в новейшее время было сформулировано первичное положение о развитии эстетического сознания, собственно говоря, – не столько о развитии, сколько о разных его формах. Так, Гегель не предполагает прогрессивных движений в рамках единого культурного ареала, и выделение тех или иных индивидуумов для него – явление стохастическое, зависящее от субъективных качеств личности, а, в принципе, напрямую восходящее к демиургическому истолкованию творческого акта. Происходит это, прежде всего, потому, что он соотносит сферу искусств с определенными типами общества, причём в основе этой систематизации лежат не социальные или, тем более, материально-производственные критерии, а степень приближенности к высшему началу – в его трактовке к идеальному духу. Поэтому градация эстетического качества, согласно Гегелю, никак не увязана даже с реальной последовательностью исторических эпох [3, с. 528].

Западная гуманитарная мысль надолго оказалась запертой в рамках общественно-исторического подхода, апофеозом которого стала догматика марксизма-ленинизма. Однако именно в первые годы существования первого социалистического государства и в его границах возникли революционные идеи, предлагавшие схемы анализа литературных произведений вне их жесткой связи с социумом [7, с. 75].

Новые взгляды на анализ и оценку, на актуальное состояние и перспективы литературных систем были сформулированы сразу несколькими деятелями формальной школы, но в наиболее полном виде мы встречаем